

ЧТЕНИЯ ГУМАНИТАРНОГО СЕМИНАРА

Стенографический отчет XLVII Чтений гуманитарного семинара на тему:

«Самоопределение интеллигенции: история и современность»

с участием заведующего отделением культурологи
Государственный университет ВШЭ (г. Москва)

Куренного Виталия Анатольевича,

докторанта РГГУ Алексея Николаевича Романова (г. Юрмала)

Виталий Куренной: Я хочу выразить благодарность организаторам этого мероприятия и организаторам нашего приезда сюда, фонду «Русский мир» и, естественно, руководству рижского гуманитарного семинара и Балтийской Международной Академии, которые любезно принимают меня уже второй день. Вот поэтому это мое первое знакомство с Ригой, первое знакомство с ее интеллектуально активной группой. И могу сказать, что это очень интересный опыт и продуктивный. Я думаю, что и дальше нужно сотрудничать в каких-то формах. Поэтому я не буду больше распространяться по поводу этого, просто всем друзьям и организаторам я еще раз хочу выразить благодарность. Я представляю, поскольку я должен представиться, в институциональном плане государственный университет Высшую школу экономики, московский сравнительно новый университет, на сегодняшний день более динамично развивающийся, и в частности, новый факультет, который там организовался, философский факультет. А я являюсь руководителем отделения культурологии. Кроме того, я являюсь научным редактором журнала «Логос», редактором еще нескольких журналов — «Гуманитарный контекст», «Частный корреспондент» и так далее. В институциональном плане, прежде всего, я — университетский человек, Высшая школа экономики, Российский Государственный Гуманитарный университет, где я также работаю — это мои «матеры» на сегодняшний день. Что касается нашей темы, она была заявлена как «Стратегия самоопределения интеллигенции — прошлое и настоящее». Тут было специальное пожелание организаторов, чтобы немножко отойти от исторической темы русской интеллигенции и поговорить об этом феномене в целом. Прежде чем я перейду к содержательной части своего выступления, я покажу одно издание, книжечка называется «Интеллектуально-активная группа». Это результаты всероссийского исследования, которое довольно большая группа социологов и философов проводила в прошлом году. Это всероссийское исследование, ставившее себе целью понять, что, в частности, происходит с феноменом интеллигенции в России, сохранилась ли она? Если сохранилась, в каких формах? Каковы модели поведения людей, каковы их стратегии самоопределения,

какова прагматика их действия, и так далее. Книга была предоставлена на сайте <http://www.humanitatis.info> к моему приезду. Есть и вторая книга, «История и теория интеллигенции и интеллектуалов», к сожалению, у меня нет ее под рукой. Довольно большой том, и он представляет собой не результаты эмпирического исследования, а структурированное изложение истории интеллигенции, истории интеллигенции в России, а также очерки истории интеллектуалов во Франции и истории интеллектуалов в Германии. Кроме того, в этой работе представлены основные теории интеллигенции, то есть те коллективные инструменты, методологические инструменты, с помощью которых наиболее влиятельные социальные теоретики, работавшие в этой сфере, описывали этот феномен, объясняли этот феномен, концептуализировали его. Потому что первый тезис, с которого я должен начать, он может быть сформулирован так, что интеллигенция вопреки расхожему мнению, бытующему в русской среде, не только русский феномен. И внимательная историческая аналитика и непредвзятый исторический взгляд показывает, что интеллигенция — это феномен, который присутствует во всех современных обществах и в Европе, в Соединенных Штатах. Потому что его состояние, осмысление этой группы похоже на те проблемы, на те вопросы, которые традиционно ассоциируются с русской интеллигенцией и с ее историей. Поэтому для нас было очень важно показать, с помощью каких инструментов социологи, социальные теоретики описывают этот феномен, начиная с Макса Вебера. С Маркса мы имеем целую традицию описания и объяснения феномена интеллигенции и роли ее в обществе, критики интеллигенции и всего, что с этим могло быть связано. В двух словах о тех материалах, которые вы можете найти на сайте гуманитарного семинара, чтобы вы понимали, в какую рамку они встроены, то есть результаты прошлогоднего проекта, который имел и историко-теоретическую составляющую и физическую составляющую. Теперь я перейду к нашей теме и начну вот с чего: когда мы говорим об интеллигенции, нужно очень четко понять, что мы не можем напрямую наивно обращаться к этой теме. Существует очень развитое представление об интеллигенции и, к сожалению, мне кажется, что оно себя в

значительной степени изжило. Так сказать, рассуждения о роли, миссии и высоком достоинстве интеллигенции. И мы это прекрасно чувствуем, потому что эта тема сейчас в значительной степени маргинализована в публичном дискурсе. Прежде всего должен сказать, что я рассматриваю интеллигенцию через призму, в первую очередь, языка. Интеллигенция — это то, что Рейнхард Козеллек называл основным историческим понятием. Интеллигенция — это не просто слово, это удивительное слово. Это слово, которое отражает противоречие, существующее в обществе, это слово, еще раз повторю, не является просто словом, просто термином, которому можно дать какое-то определение. А это слово является тем, что Рейнхард Козеллек называет основным историческим понятием. Историческое понятие отличается от термина тем, что не существует его однозначного определения, не существует значения, которое мы можем просто связать с этим словом. Как основные другие исторические понятия... я ссылаюсь на очень большой проект Рейнхарда Козеллека, — есть гигантский словарь основных исторических понятий, я бы назвал его большой немецкий проект, затем он был повторен во Франции и так далее. Эти ученые анализировали основные исторические понятия. Что их отличает? Не существует однозначного смысла термина и понятие отличается тем, что оно живет не определением, а именно конфликтными интерпретациями. То есть оно постоянно переопределяется, его значение становится предметом торга, предметов споров, предметом дискуссий. Когда мы говорим об интеллигенции, нужно четко зафиксировать его социальный и семиотический статус. Это основное семиотическое понятие. Я могу прочесть самого Козеллека, который выделяет основные исторические понятия. Он противопоставляет понятия и слово, понятие и тему. Мы можем найти однозначное толкование в словаре. Вчера Ольга Ивановна (прим. Здебская Ольга Ивановна — директор ЦБС Балтийской международной академии) к словарям в первую очередь обратилась. К сожалению, основных исторических понятий и значений не может быть в словаре, почему? Понятие, пишет Козеллек, хотя привязано к слову, но одновременно есть нечто большее, чем слово. Слово в соответствии с нашим методом становится понятно, если оно вбирает в себя полноту политико-социального контекста своего значения, для которого используется слово. То есть понятие отличается от слова тем, что оно как в капле воды отражает свой социальный контекст бытования, то есть определенного рода модель конфликтов социальных. Понятие, — продолжает Козеллек, — должно быть ясным, но оно должно быть многозначным. Оно фиксирует многообразие исторического опыта и сумму теоретических и предметных сопряжений в некую взаимосвязь, которая как таковая должна быть дана и опознана лишь средством понятия. То есть очень сложная конструкция. Утрируя, можно сказать, значения слов могут быть точно определены посредством дефиниций, понятия могут быть только проинтерпретированы. И поэтому, когда мы будем говорить дальше про интеллигенцию, нужно исходить из того, что мы рассматриваем историю интерпретаций этого понятия. Моя задача не состоит в том, чтобы раскрыть какое-то объективное однозначное

явление интеллигенции. Никто не может однозначного такого определения, такой однозначной дефиниции дать. Когда мы рассматриваем историю феномена интеллигенции, мы рассматриваем историю этих интерпретаций. На этом я такое методологическое вступление закончу и перейду к историческому введению про интеллигенцию.

Я напомним, что слово интеллигенция — это слово латинского происхождения и в Средневековье оно входит в философский лексикон, выступая как перевод греческого слова «нус». В первую очередь, где это слово используется в философии, оно используется при обсуждении аристотелевской темы, так называемого действующего ума *intellectus agens*. Итак, напомним, в аристотелевской традиции существует некоторая часть человеческого существа, которая, в отличие от материального составляющего, не исчезает вместе с данным индивидом в силу своего универсального характера. Это означает, что у человеческого существа есть некоторый элемент, который позволяет ему избежать брэнную участь отмирания вместе со своим телом, а именно: универсальный ум. В отличие от платоновской концепции, где душа сохраняется в полном виде, в аристотелевской такой брэнной участи индивидуального **присутствия** избегает универсальная часть. Она просто универсальная часть, которая избегает брэнной участи. В этом смысле понятие интеллигенции еще со времен Средневековья очень нагружено. Оно указывает на определенную с одной стороны практическую, с другой стороны теоретическую часть человеческого существа. Но я должен сказать, что прямого использования слова интеллигенция в средневековой истории, конечно, нет. Просто справка, когда это слово появляется в культурном лексиконе европейском. А слово интеллигенция, если мы сейчас посмотрим на очень многие работы по истории интеллигенции, то мы можем заметить, что оно, в том числе и западными авторами, связывается с русской традицией. То есть когда говорится об интеллигенции, в том числе и в работах немцев, в работах французов, англичан, мы найдем ссылки, что это русская традиция. Соответственно, есть западный общепринятый термин — это интеллеktуал. А в русском языке первый случай использования слова интеллигент относится к 30-м годам XIX века, то есть когда слово интеллигенция используется для определенной интеллектуальной группы. В частности, есть место в дневнике Жуковского, где он пишет, упоминает об интеллигенции, но это лишь случайное упоминание, и смысл, если мы можем его реконструировать из этого контекста, указывает на то, что это образованные люди. Кстати сказать, примерно в это же время, немножко позже, мы встречаем слово интеллигенция и в словаре Бальзака. Он даже предлагает в одном из фрагментов создать партию интеллигенции, создать партию образованных людей. Но массового употребления мы в это время не наблюдаем.

Я не буду о первой половине XIX века говорить, и должен сказать, что в русском языке слово интеллигенция, конечно, систематизируется начиная с 70-х годов XIX века. 80-е, 90-е и начало XX века — вот период, когда понятие интеллигенция становится все чаще и чаще употребительным. И кульминация этого процесса, то есть окончательное

рождение проблемы интеллигенции в русской культуре мы находим в русском сборнике «Вехи» в 1909 году, (сборнику исполнилось 100 лет в этом году). Все журналы так или иначе отреагировали на выход этого сборника. Я должен сказать, есть в русской истории человек, который утверждал, что он изобрел слово интеллигенция, я назову этого героя, это Петр Дмитриевич Боборыкин (1836-1921), это член Петербургской академии наук и, в общем, довольно слабенький писатель. Но тем не менее Петр Дмитриевич Боборыкин в одной из своих работ начала XX века утверждает, что именно он первый употребил это слово для наименования группы образованных людей, а именно: это произошло в 1866 году. Серьезно ни один историк не брался подтвердить это заявление Боборыкина, но тем не менее мы фиксируем случай более раннего употребления. Боборыкин использовал это слово для того, чтобы обозначить группу наиболее образованной части русского общества.

О чем нам говорит краткая история? Проблемы интеллигенции в русском обществе возникают только после того, когда проходит первая очень мощная волна массовизации высшего образования. 60-е, 70-е годы — появление группы лиц, которые, получив очень хорошее высшее образование, образуют всем нам знакомые кружки разночинцев, наполняют журналы своими сочинениями, появляется фигура несчастного литератора, как его описывает Н.С. Лесков. То есть появляются люди, получившие высшее образование, но не пристроенные в жизни. А до этого, если мы вспомним эпоху Пушкина, эпоху Жуковского, проблемы не было, потому что люди с высшим образованием это по определению аристократы, люди, обладающие источниками существования. Никто себя не пытается выделить в определенную группу на основании достоинства того, что они — интеллигенты. То есть существуют другие способы самоопределения. Итак, конец 60-х годов — 70-е годы — начало истории социального основного понятия интеллигенции в русском смысле, в 1909 году предварительная история завершается, и созревшая дискуссия об интеллигенции представлена авторами «Вех». Я напомним, чтобы было понятно, что мы здесь не уникальные: примерно в это же время во Франции рождается понятие интеллектуал. В конце XIX века оно рождается в связи с так называемым делом Дрейфуса — это еврейский офицер, который был обвинен в измене, но на основании сомнительных документов. Но на его защиту встал целый ряд литераторов во главе с Золя, который выступил публично со знаменитой статьей «Я протестую, я отвергаю». И группа лиц, которые встали на защиту Дрейфуса и получили презрительное название интеллектуалы. То есть изначально это слово появилось как оскорбление. Но очень быстро дрейфусары приняли это наименование — «да, мы — интеллектуалы», но изначально это оскорбительное выражение. И надо сказать, что и в Германии существует очень мощная традиция пользования слова интеллектуал как слова оскорбительного. Вот одна из недавних, из немногих книг, которая анализирует историю интеллигенции в Германии, она так и называется «История обидного слова». Я прочитаю некоторые определения интеллигенции, принадлежащие русским классикам, и мы увидим, что и русская традиция не чужда такого рода се-

мантики. То есть и в России, и во Франции интеллигенция, интеллектуалы рождаются примерно в одно и то же время.

Теперь я хотел бы перейти к основному сюжету моего выступления — стратегия самоопределения. Почему слово самоопределение вынесено в заглавие и почему оно важно? Потому что когда мы анализируем основное историческое понятие и пытаемся разобраться, что такое интеллигенция, что такое сегодня интеллигенция, то, конечно, в первую очередь обнаруживаем там конфликт по поводу семантики этого понятия. Кто такие интеллигенты, и более узкий вопрос, который в русской культуре существует до конца советского периода, это вопрос о том, кто такой подлинный интеллигент? Как отличить подлинного интеллигента от не подлинного интеллигента? Кого мы можем отнести к подлинному интеллигенту, кого мы не можем отнести?

У меня есть большой перечень определений интеллигенции. Чем этот перечень хорош? Тем, что у меня есть классификации интеллигенции, их четыре. Но эти определения прекрасно показывают, как можно определять интеллигенцию. Там даже не нужно куда обращаться, достаточно к работе русских классиков обратиться, чтобы понять, как можно интеллигенцию определять. Первое определение, это определение Н. Михайловского, знаменитое определение 1881 года, это из его знаменитой работы: «Мы интеллигенция потому, что мы много знаем, о многом размышляем, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой, слепым историческим процессом мы оторваны от народа, мы чужие ему, как и все так называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разум наш с ним». Интеллигенция определяется в данном случае через знания, с одной стороны, с другой стороны, через сердце и через миссию радения за народ. Интеллигенция и народ — главная тема дореволюционной дискуссии об интеллигенции. Тема защиты Дрейфуса затем у французских интеллектуалов тоже выливается в тему защиты униженных, защиты обиженных. Кто такие обиженные и униженные? Это, конечно, народ, поэтому французский интеллектуал всегда левый интеллектуал, всегда за народ. Михаил Салтыков-Щедрин, 1886 год: «Интеллигенцией смехотворно называют всякого не окончившего курса недоучку». Николай Иванович Кареев (1850-1931) (я вчера приводил это прекрасное определение), он пишет, что интеллигенцию составляют люди, которые в силу альтруистического интереса и сознания человеческого долга тратят и свое время, и свои средства на развитие и распространение просвещения. Тот человек, который тратит время и деньги на распространение просвещения — он и есть интеллигент. Николай Бердяев, 1903 год: «Интеллигенция есть та часть человечества, в которой идеальная сторона человеческого духа победила групповую ограниченность». Николай Бердяев представляет ту часть интеллигенции, у которой есть особая добродетель — победа над какой-то социальной групповой принадлежностью. Очень интересное определение Иванова-Разумника (1878-1946) в его огромном исследовании по поводу русской интеллигенции 1907 года: «Интеллигенция есть этически антимещанская социологическая всесословная внеклассовая приемственная

группа, характеризуемая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь, направленных к физическому и умственному общественному и личному освобождению личности». Это очень сложное определение, я бы сказал, наиболее типичное для истории самоопределения русской интеллигенции. Это определение Иванова-Разумника. Я вас уверяю, мы его найдем в большинстве работ, посвященных интеллигенции. Оно наиболее комплексно. Есть совершенно удивительная работа, на мой взгляд, сильно опередившая свое время... я могу только Х. Шельского (1912–1984) назвать, вот таких крупных социологов, которые мыслили таким образом, — Евгений Лозинский, человек анархических взглядов, я к сожалению не нашел других его работ. В 1907 году он выпустил книжку «Что же такое интеллигенция?». Эта книга удивительную критику собой представляет интеллигенции. Я приведу из нее определение: «Интеллигенция есть класс по своей природе привилегированный и эксплуататорский. Интеллигенция — это класс, причем класс привилегированный. Это класс осознанно преследует свои классовые интересы, стремясь защитить привилегированный характер. Этот привилегированный характер, естественно, держится за счет присвоения результатов чужого труда.

Петр Дмитриевич Боборыкин, уже известный, 1909 год, когда он напоминал про понятие интеллигенция. Он пишет: «Под интеллигенцией надо разуметь высший образованный слой нашего общества как в настоящую минуту, так и ранее на всем протяжении XIX и даже XVIII века». Это очень распространенное понятие интеллигенции через образованность, и таким образом как только вводится такой объективный функциональный критерий, люди склонны говорить о Пушкине как об интеллигенте, о XVIII веке, об интеллигенции в античности и прочее, прочее.

И, наконец, Семен Франк — русский интеллигент, который не знает абсолютно никаких ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей на хороших и добрых. Это из его работ, его статьи в «Вехах».

Я привел вам некоторую подборку, которую можно было бы расширить. Вчера вспоминали высказывания Ленина, я не буду его напрямую цитировать. Всем, конечно, оно известно — интеллигенция, она думает, что она мозг нации, а она не мозг нации, она — отбросы нации. В действительности я не нашел источника этой цитаты. Как ни странно, она используется всеми, упоминается постоянно, но я не нашел источника. Я не уверен, что это не есть апокриф — изобретение самой интеллигенции, приписанное Ленину высказывание.

Считается, что Антон Павлович Чехов — это автор, который образцовым образом воплотил в себе фигуру русского интеллигента. Чехов был невысокого мнения об интеллигенции, в частности, его знаменитое высказывание, он пишет: «Сволочной дух, который живет в мелком русском интеллигенте среднего пошиба»... То есть он негативно относился к феномену интеллигенции. Этот перечень, если мы упорядочим, структурируем, и окажется... ну, это моя классификация, можно дискутировать... — можно сказать, что история рефлексии интеллигенции — это история кри-

сталлизации основных концепций интеллигенции, как мы затем наблюдаем в социальных науках у Шельского, у Грамши, у Вебера и так далее. Типологически эти концепции можно подразделить на четыре. Есть масса вариаций и макроконцепций. То есть можно определить интеллигенцию как группу, функционально определяющую себя через особый вид занятости — это умственный труд и творческий труд и так далее, доступ к которому определит образование. Боборыкинское определение — это функциональное определение через такого рода образование и определенный тип труда. Вторая очень влиятельная традиция — интеллигенция определяет себя и определяется другими в цельных идеологических и моральных категориях, то есть через приписывание добродетелей интеллигенту или качеств.

Третья очень важная группа — это определение интеллигенции как самостоятельной социально-экономической группы и даже в некоторых случаях класса, который преследует свои собственные интересы. Я уже указал на Лозинского. В современной социологии очень влиятельный представитель теории — это Хельмут Шельский и Александр Филиппов, он специальный обзор этих работ сделал. Это очень серьезная критика, связанная с пониманием интеллигенции как безответственного клира, который пытается получать блага, не давая ничего взамен, не неся никакой ответственности. Тем не менее, это определение интеллигенции как самостоятельной группы, как самостоятельного класса, который преследует свои интересы. И, наконец, есть четвертый тип — это рассмотрение интеллигенции как части всякой социальной группы, которая обеспечивает интересы господствующего класса этой группы. В русской традиции в этом русле исследования велись в 30-е годы, но были прекращены, к сожалению. Но наиболее представительным авторитетом звездной интеллигенции является Антонио Грамши, его теория органической традиционной интеллигенции, которая выросла в целую доктрину интеллектуальной гегемонии и культурной диктатуры. Эта теория наиболее актуальная на сегодняшний момент с точки зрения политики и культуры, поскольку она была реанимирована американскими неоконсерваторами. Я дальше двинусь не из теоретического, а из исторического бэкграунда. Я буду чередовать исторический экскурс и систематические отступления. Итак, мы видим, что интеллигенция является не просто простым историческим понятием с точки зрения, что оно включено в конфликтующие социальные дискуссии. Кроме того, она является спорным и в научном отношении. То есть если мы зададимся вопросом, а какие теории могут нам описать феномен интеллигенции, то я к сожалению должен сказать, что одной такой теории не существует, а существует в социальных науках несколько типов теорий. Собственно говоря, эти четыре типа я перечислил. Не только в виде непосредственной ткани социальной жизни интеллигенция является спорным понятием, но и в науках она является спорным понятием, хотя здесь обзрима типология возможных подходов к тому, что такое интеллигенция. Сейчас я вернусь к исторической канве, и здесь я главным образом должен сослаться, кстати, на работы Александра Кустарева в нашем сборнике об истории

теории интеллигенции. Он написал три очерка, в том числе очерк о советской интеллигенции, но он является автором большой книги, которая вышла. Это сборник его статей за 20 лет, называется «Нервные люди» — это наиболее серьезное за последнее время исследование истории советской интеллигенции. Я, собственно говоря, его логики буду придерживаться, хотя и так во всем с ним согласен. И так, Александр Кустарев считает, что в советское время почему остро встал вопрос о советской интеллигенции? Потому что новая власть, нужно было разобраться с лояльностью. Были классы, были группы, которые были лояльными, они сохранялись, они поддерживались, были группы, выяснялось, что они были лояльными, надо было с ними что-то сделать. И, естественно, встал вопрос об интеллигенции. Существует гигантская дискуссия, парадоксальным образом она протекала в политехническом музее в Москве, посвященная интеллигенции, что это такое, каково ее место в новом строе. Это совершенно удивительная дискуссия 24-26-го года. Там участвовали удивительные люди, такие как Луначарский, менее известные, совсем неизвестные, но это была бурная дискуссия, и там был высказан весь набор мнений, весь набор определений, которые я уже озвучил. К сожалению, эта дискуссия была быстро свернута. И Александр Кустарев объясняет это следующим обстоятельством. Дело в том, что в процессе этого обсуждения начал выясняться очень щепетильный вопрос о том, а что такое партия большевиков? Из кого она состоит? Кто это такие? Отвечая на этот вопрос честно, можно было ответить только так: это интеллигенция. Естественно, эта констатация вступала в противоречие с тем, что у нас вроде бы победила революция, пролетариат является гегемоном. Здесь была какая-то нездоровая почва для продолжения дискуссии. Она была очень быстро свернута. Она была фактически табуирована. Когда все эксперименты 20-х — начала 30-х годов были окончательно свернуты, мы видим, что Сталин, определяя сословный строй советского общества, в своей знаменитой речи выделил три главных сословия, которые в советском обществе имеют право существовать — рабочие, крестьяне и прослойка служащих. То, что впоследствии стало называться массовой интеллигенцией, технической, творческой и так далее. Через понятие служащий и очень четкую нормативную процедуру структурирования, которую проделал Сталин, понятие интеллигенции было сохранено. Дальше история интеллигенции очень хорошо прослеживается по литературе. Если в произведениях, например, Толстого или Погодина мы видим образ колеблющегося интеллигента, то есть интеллигента, который должен определиться с советской властью, и затем он принимает какие-то решения и переходит на сторону советской власти, то, начиная с 60-х годов, в литературе совсем новая струя появляется — это романтизация, возвышение фигуры интеллигента, и очень часто за этим видно и то, что сам автор произведения не прочь отождествить себя с этой фигурой. То есть мы видим, что дискуссия об интеллигенте, несмотря на то, что она казалось бы была закрыта, заново разворачивается через литературу, но затем она выплескивается в различного рода клубные рассуждения, студенческие обсуждения и так далее. Для меня было потрясаю-

щим открытием: я беседовал со старой питерской интеллигенцией и выяснил, что для них очень важными работами с точки зрения понимания того, что такое интеллигенция, были даже произведения не русских авторов, а немецкие произведения. Это прежде всего Томас Манн, Герман Гессе. То есть советская интеллигенция начала восстанавливать практику самоопределения в том числе через иностранную зарубежную литературу. Поскольку доступ к дискуссиям дореволюционным и ранним советским был закрыт, а мировая литература как бы доступна, можно было черпать оттуда эту тему. И мне кажется, что этот сюжет очень плохо исследован, и этим нужно срочно заниматься, потому что люди, которые являются непосредственными, живыми носителями этого знания, они, к сожалению, уходят. Здесь место для фиксации опыта: хорошо бы, если бы в трудах гуманитарного семинара появился бы материал, опрашивающий старых интеллигентов города Риги о том, а как же там это происходило в послевоенные годы? Как и через что рождался слой интеллигенции? В конечном итоге, если посмотреть на то, во что превратилась дискуссия, стратегия самоопределения в поздний советский период, то найдем в определенном смысле возвращение проблематики. Я напомним, с чего начинаются Вехи, общий диагноз. Он состоит в следующем: веховцы осмысляют опыт интеллигенции и приходят к тому, что он очень негативен, потому что он связан с определенной политической позицией — это левые, это люди, которые бредят революцией, они враждебны государству. И тогда авторы Вех совершают любопытную процедуру: они называют этот феномен интеллигентщиной. То есть это интеллигент на самом деле. Но в интеллигенции русской есть некоторое здоровое ядро, в чем оно заключается: есть моральность, есть отзывчивость, есть нравственность и так далее и тому подобное, которые, собственно говоря, и образуют подлинного интеллигента, которому, может быть, еще предстоит в полном смысле родиться. Но, в общем и целом, нужно отличить интеллигентщину от интеллигента. И я считаю, выдающимся советским памятником самоопределения является известная работа Александра Исаевича Солженицына, где он реагирует на статью советского автора, находящегося в Советском Союзе, говорит о феномене образованщины. Он говорит, что интеллигенцию, к сожалению, путают с тем, что интеллигенцией не является, и описывает советского человека, который получил образование и претендует на статус интеллигента, а на самом деле это не интеллигенция, это образованщина. Тем самым удивительным образом в рамках советской культуры мы видим самоопределение той же самой самоопределяющей практики. Она состоит в том, чтобы отличить подлинную интеллигенцию от ее двойника, от ложной интеллигенции. Зачем это нужно? Нужно понимать, что советское общество — это общество уравнивающее, то есть многие практики отличия себя просто запрещены. Экономические различия, естественно, нивелированы, и даже если они существуют, они не демонстративные. Существует колоссальная гомогенизация жизни. К сожалению, есть антропологическая особенность — мы хотим быть разными, мы хотим отличаться от других. Это я как аксиому введу и даже дискутировать не буду. Даже если я

смотрю сейчас в зал, я не вижу ни одного одинакового костюма. Почему в советское время дискуссия об интеллигенции приобретает такой драматический характер? Почему важно отличать подлинных от не подлинных? Потому что это один из немногих доступных символических способов превратить горизонтальное различие в какую-то видимость иерархии, это способ производства различий. Причем этот способ производства различий, как ни странно, не был подавлен, не был репрессирован. То есть одно из объяснений вот такое. В обществе, которое находится под прессингом, распространение такого блага, как образование привело к тому, что способ производства различий становится действительно очень популярным. В этом смысле советский опыт интересен, он требует внимательного исследования, поэтому я не согласен с Кустаревым, когда он говорит, что между советской интеллигенцией и западной нет никакого различия. Есть различия, которые включают в себя некоторые особенности самоопределения. Во-первых, что я указал, и с этим Александр согласен, а вот есть такой момент самоопределения, если вы включаете свою уникальность в самоопределение. Если вы уверены, что вы уникальны, то с этим нужно считаться как с социальным фактом. Для русской интеллигенции есть такая особенность, что история всегда считает себя уникальной, феноменом. И хотя в социологическом плане по большому счету это не так, тем не менее мы это должны учитывать, когда мы учитываем, это уже культурологическое, не социологическое.

Теперь перейду к нашему исследованию. Что здесь обнаружилось? Обнаружилась очень простая вещь. Интуитивно многим и так ясно, но исследование тем и отличается, что оно систематизировано и методологически проведено — сегодня мы не обнаруживаем сколько-нибудь серьезной конкуренции в борьбе за семантику интеллигенции, мы не наблюдаем высокой конкуренции за присвоение этого понятия. То есть скорее интеллигенция описывается нашими собеседниками как феномен, уходящий в прошлое, на смену которому приходит другая фигура. Она по-разному называется, не обязательно интеллектуал, может называться эксперт, эта фигура просто может называться профессионал, то есть человек, который использует свои интеллектуальные навыки нейтрально, то есть не связывая с этим некоторые рассуждения о высокой моральной миссии, о каком-то служении и так далее. Есть любопытное различие между такими городами, как Москва и Санкт-Петербург и другими городами, в которых мы беседовали. Дело в том, что в Москве и Санкт-Петербурге некоторые из наших собеседников, респондентов могли бы конкурировать за смысл термина интеллектуал, а в некоторых случаях за эксперта. Мое объяснение такое, что там, где культура достаточно комплексна, достаточно богата, достаточно дифференцирована, там борьба за семантику и освоение понятий ведется, там интеллигент считается маргинализированным, а вот интеллектуал, эксперт является важными понятиями. Я обращаю ваше внимание, что слово профессионал в русском политическом дискурсе является одним из самых главных. Более того, я общался с американским коллегой Майклом Мурвом — замечательным социологом, он при-

езжал специально в Россию, он исследовал это понятие, что происходит со словом профессионал. Потому что мы постоянно слышим, что у нас в правительстве должны работать профессионалы, у нас президенты профессионалы и тому подобное. Очень любопытно, что слово профессионал сегодня благодаря властному дискурсу находится в поле конкуренции, то есть люди должны конкурировать. В то же время наша выборка готова обсуждать термин интеллигенция. Кстати говоря, люди всегда ироничны, когда спрашивали, а к какой группе вы бы себя отнесли: ну, к пресловутой мелкобуржуазной интеллигенции отнесли. Люди готовы юмористически воспринять это наименование.

Я совсем уже завершаю, буквально четыре минуты потрачу. Я считаю нашим достижением то, что мы не говорим про интеллигенцию, а про интеллектуально-активную группу, выделили ряд социокультурных моделей, различающихся горизонтом социального действия и сложным комплексом поведения и возможности социальной интеграции. Этим групп выделили мы пять. Я их просто перечислю: автономистская модель — то есть люди, которые чувствуют себя окруженными враждебной средой, как бы мы стоим на страже культуры. Во что бы то ни стало мы будем нести эту миссию, и такой красочный образ: мы — монахи культуры, мы стоим и будем стоять.

Вторая модель интернациональная модель — это люди, которые встроены в международные интеллектуальные сети. Есть две гигантских больших сети. Это левые. И к вам приезжают представители. Если бы вы спросили, кто они, я бы показал на Бориса Кагарлицкого — вот типичный представитель интернациональной левой модели социально-активного поведения. Но есть и либеральная. Надо проанализировать, кто такой бывший наш советник Владимира Владимировича Путина — Илларионов и кто он сейчас, посмотреть на эти стратегии и проанализировать. Либеральная модель отличается? И наши президенты включены в эту систему коммуникации, потому что они выезжают на специальные либеральные форумы, большая восьмерка... Сейчас мы видим серьезное полевание. Потому что Ярославский форум показал, что президент России готов разговаривать с левыми, чего до этого, кстати, не было. Сейчас мы видим полевание очень серьезное, связанное с кризисом и так далее. Но так или иначе существует интернациональная модель, она очень любопытна.

Есть национальная модель — это люди, которые мыслят о Родине, о России, они готовы предлагать программы универсального национального масштаба. Я скажу, что они находятся в основном в Москве, работают в серьезных либо СМИ, либо в институтах, которые имеют разнообразные площадки, экспертные центры, мыслят о Родине. Коммуникативной формой является какое-либо СМИ, портал. И мы видим гигантское количество — Русский мир, Русский журнал, Русские чтения, Русский репортер. Это либо институты специальные, либо СМИ. Очень любопытная республиканская областная модель. Была небольшая дискуссия, я небольшой специалист по Латвии, я первый раз в жизни здесь пребываю три дня, но есть что-то общее. Мы зафиксировали в некоторых районах России проблемы очень особого свойства. К примеру, в Татарстане есть проблема сохране-

ние идентичности русской культуры, потому что есть определенное давление, довольно агрессивное, эмоциональное татарской культуры. Там люди, с которыми мы общались, они озабочены вопросами сохранения, воспроизводства культуры. Калининград довольно особый регион, вообще он очень локальный, на многие вещи он открыл глаза.

И, наконец, последняя модель — городская модель. Вот если бы меня спросили, что для меня наиболее симпатично, я решил, что это городская модель. Она наиболее естественна. Там нет разрыва, который поражает. Каким образом? В интернациональной модели бывает как? Горизонт там очень большой, там нет преобразований. Если мы спросим: Борис Кагарлицкий, где вы работаете? Институт глобальных проблем. Сколько сотрудников в вашем институте? Один. Как можно решить глобальные проблемы с такими ресурсами? Не является ли это кухонной беседой? Мы гигантские вопросы решаем, но нет средств их реализовать. Мы сидим на кухне, и все, чем мы обладаем — это наши стаканы и чашка. А городская модель она действительно там как-то естественно в рамках городских проблем: городская модель как бы объединяется для интеллектуально-активной задачи и может это решить, потому что она обладает средствами, может организовать либо городскую власть, либо бизнес-ресурсы, чтобы решить какую-то городскую проблему. Городские семинары — городская форма или международная? Городская. Есть такая интеллектуальная активность, которая может найти для себя адекватную релевантную форму, не допуская разрыва, которую можно назвать — проблема кухонных бесед интеллигенции. (Перерыв)

II Часть

Леонид Мухин: Каково различие между интеллигенцией России и интеллигенции за рубежом, на Украине?

Виталий Куренной: Те русские, которые находятся за рубежом, о них заботятся русские, которые живут в Москве. Основные рупоры в Москве сидят. Очень интересен опыт старых волн миграции и тех стратегий, тех практик, посредством которых там сохранялась, воспроизводилась высокая культура и какие-то формы культурно-интеллектуальной идентичности. Конечно, можно сказать, что русская эмиграция имеет определенный исторический опыт поддержания и воспроизводства, в том числе и интеллектуальности как специфического верхового качества. Мне кажется, этот опыт проанализирован, то есть специально. Это первый момент. А второй момент, что сегодняшняя ситуация дает в распоряжение людей совершенно новые инструменты, которыми не обладала прежняя эмиграция, коммуникативный инструмент мобильности. Что касается исторического опыта, нужно смотреть, какого рода институты обеспечивали воспроизводство русской, в том числе интеллектуальной культуры. И стержневой там является церковь. Это просто приходится признать. Может быть, я в силу своей неполной информированности не знаю других институтов, который смогли воспроизводиться десятилетиями. Много было начинаний, достаточно вспомнить эмиграцию первой волны, гигантское количество институ-

тов, журналов и так далее, но они все-таки имели временный характер. И так или иначе люди оседали либо в университетах, либо вокруг церкви.

Если посмотреть на традиции церковной интеллигенции, если посмотреть на работы Грамши, что с этим происходит? Тем более что сейчас в церкви и приток колоссальный людей интеллектуально подготовленных, интеллектуально оснащенных, когда огромное количество интеллектуалов воцерковляется в русской церкви, происходит любопытный процесс. Закрывать на это глаза нельзя. Я думаю, что церковь не просто воспроизводит церковных интеллектуалов, как она занималась на протяжении тысячелетий, но надо все-таки помнить роль церкви в нашей культуре, в нашей и Западной церкви, роль была достаточно велика. Но даже современная церковь, учитывая главу РПЦ, человека, который способен продемонстрировать уровень интеллектуальности, который не является рядовым, чтобы понять, что там есть какие-то большие перспективы в этом процессе.

Это в России. Конечно, тут даже обсуждать нечего. Я всегда люблю приводить пример: если вы приходите в библиотеку университетскую философского факультета в Германии и посмотрите, сколько там написано по социальному вопросу философами. А вы спускаетесь на три этажа ниже и попадаете в библиотеку теологического института. Там библиотека в пять раз больше, это во-первых, во-вторых, по любому вопросу, который обсуждают философы, литературы тоже в четыре раза больше, то есть по социальному вопросу стоит стеллаж, а не два сочинения. Это церковная интеллектуальность. А с православными тут большая проблема. Но вы задали вопрос про зарубежных. Вполне возможно, сегодня мы находимся в тех условиях, когда какие-то интеллектуальные формы новые могут приобрести такую устойчивость. Гуманитарный семинар существует десять лет, правильно? Это большой срок. Надо понять, может ли он воспроизводить себя столетиями — и решить этот вопрос.

Есть такая агрессивная позиция — мы не интеллигенты, а вы интеллигенты. Это интеллигентская практика, на мой взгляд. Поэтому, когда вы сказали, что вы не интеллигентный человек, чтобы узнать, что о вас думает интеллигенция, вы себя тем самым обозначили как интеллигентного человека. То есть вы использовали одну из практик самоопределения интеллигенции.

Есть любопытная здесь проблема — основное историческое понятие требует различения — по отношению к чему отличает себя интеллигенция? Я зачитывал определение Иванова-Разумника, там прозвучали слова мещанин, антимещанский дух. И действительно, до советского периода интеллигенция очень часто противопоставляет себе, кому? Конечно не народу. Мещанству. То есть почтенная традиция — самоопределение себя в противоположность бюрократии. Власть это бюрократия. Противопоставлять себя им. Сегодня очень характерно, у нас и в интервью предусмотрен такой вопрос, кому, определяя себя, интеллигенция может себя противопоставлять. Там, конечно, такие ответы были, а сегодня мы теряемся, интеллигенция противоположна кому? Вы сказали обывателю, это значит мещанин. То есть это старая традиция доре-

волюционная, вы использовали оппозицию почтенную. На самом деле это очень трудно, с народом сейчас проблема в том смысле, в котором описывает Михайловский. А с кем себя соотносить? Это большая проблема. Есть интеллигенция, а есть быдло. Осмысленно определять, кому себя противопоставляют интеллектуалы, если они себя осознают, самоопределяют себя, то они себя противопоставляют.

Возвращаясь к первому вопросу, должен сказать, что демонстративное и агрессивное противопоставление себя — это часть самоопределения интеллигенции советской, и особенно бурно в постсоветский период. И сейчас такая практика существует, она не нейтральна. Она всегда с надрывом — вы, интеллигент! Сразу выдает интеллигентного человека.

Есть, например, традиция французская, которая политизирована, есть понятие ангажированный интеллектуал, то есть идет противопоставление по линии неангажированности. То есть интеллектуал должен быть ангажированным. Если взять американскую традицию, то американские исследования этой темы в последние годы наиболее развернуты. Колоссальный объем литературы, посвященной интеллектуалам в Соединенных Штатах. Там такие же проблемы, как и у нас — интеллектуалы исчезают, куда они исчезают? Очень разветвленная традиция. Выверенная и разнообразная методология исследования. Вот как, например, Познер говорит: я Джона Роулза не могу назвать публичным интеллектуалом, потому что он ни разу не выступил ни в жанре профессионала-ученого, ни с публичным, адресованным публике выступлением. Интеллектуал определяется через свою публичную миссию, через миссию публичного озвучивания определенных проблем. Если он этого не делает, он попадает куда угодно, он может быть ученый или может быть журналист, но он не поднимает общественно значимых тем.

Мирослав Митрофанов: Интеллигенцию в том культурно-историческом понятии, которое существовало в XIX веке и в советское время, с моей точки зрения, нецелесообразно переносить с того времени на наше. Функция интеллигенции была — передача и повышение стандартов межличностных отношений, то есть того, что называется джентльмен. Если интеллигенции нет, то определение — оно сохранилось. Мы наблюдаем, как ведет себя интеллигентный человек в обществе. Современная масскультура и современные средства коммуникации вам навязывают иной стиль общения: грубость, ирония, агрессивность по отношению ко всему окружающему. Решения я здесь не вижу. Не последняя функция — оппозиционность по отношению к власти. Но здесь решение очень простое — гражданское общество, то есть большинство функций, на которое претендовала русская интеллигенция XIX века и не могла осуществлять, потому что было много причин, которые это не позволяли. Сейчас нормальное западное общество осуществляет институт гражданского общества. Наше латвийское общество, латвийские организации, журналисты, члены политической партии в большинстве случаев не отвечают тем критериям интеллигента XIX века или примеру западного интеллектуала. Нет образования, не умеют вести себя, но все они способны выполнять функции представительства общества власти.

Борис Аврамец: В Латвии в кузнице элитной партии однозначно настоящие интеллектуалы. Их люди в философских семинарах участвовали Александра Моисеевича Пятигорского и так далее. Там уровень высокий. Для них это не было престижным соображением, это часть их жизни.

В Латвии, может быть вы знаете, а может быть нет, очень странная ситуация. Есть, к сожалению, два общества и они все меньше и меньше пересекаются. Я в силу своего практического опыта в основном оказываюсь среди латышей. В вузах, в которых я работаю, говорят только по-латышски, некоторые из студентов очень активно заняты интеллектуальной работой, русских зовут. Нет такого, что русских не зовут, русских зовут. Существует такая организация — Совет творческих союзов, куда входит большинство творческих союзов, но это наследие прошлого. Они создали над собой структуру, где регулярно происходят и экспертные обсуждения и часто собирается масса народа. Там все очень живо, и туда направляют русских тоже, и меня и других тоже звали. Для каждого человека его выбор — приходить или не приходить, участвовать или не участвовать.

Далее, что касается места, где собирается молодежь и активно участвует в дискуссиях и обсуждениях — такие места есть, есть сайт, там есть поэты, философы. Там русских единицы, но не потому, что их не пускают. Наиболее активные, умные уезжают, да. Но у нас такие особенности. То ли инерция, то ли предубеждения, которые мешают ломать перегородки. Но место есть и есть мероприятия. В связи с этим я хочу всем сказать: вчера открылся ежегодный традиционный фестиваль современной музыки. Вчера был концерт-открытие, в понедельник будет концерт, полно молодежи. Причем впервые сделано на фестивале, что постоянно делается в Европе, в антракте играл один иорданец, но живущий в Европе, другой итальянец, третий латыш, живущий в Вильнюсе. И был модератор дискуссии, задавали вопросы, то есть там могли активно коммуницировать. Еще один фестиваль, который проходит и сегодня тоже. Вы знаете или нет, у нас есть очень интересные люди, создавшие центр медиа-искусства RI XC, если вы зайдете в Интернет, то www.rixc.lv, найдете много всего и по-английски, и по-латышски. Там и конференция, и выставка и перформансы. Выставка недалеко от рынка. Там в первый вечер был американский человек, занимающийся шумовой музыкой. Вчера показывали фильм саркастический, в другом месте, около Дома художника, там когда-то была мастерская монументальной скульптуры. И там радикальные голландцы будут что-то делать. Вчера была молодежь, и чаще всего дело не ограничивается пассивным восприятием. Люди говорят, спорят, дискутируют. Да, это не кухня, но тем не менее это активно существует. Должен констатировать, но, увы, уже много раз констатировать, что русских там практически нет. То есть с этим тоже нужно считаться, хотя есть места, где русских становится все больше и больше. Есть объединение, условно говоря, литераторов, называется «Текст группа Орбита». У них тоже есть веб-сайт, они очень активны. Они не только читают стихи, у них был очень удачный проект «Музыка плюс визуальный ряд». Они DVD выпускали. Причем там по-прежне-

му сохраняется штаб-квартира, об этом многие присутствующие знают, это некоторая часть Рижского торгового порта, там началось с того, что художники арендовали помещение под свои мастерские, там проводятся и концерты, но это далеко от центра. Новая зона — совсем рядом с Центральным вокзалом, там в конце XIX, в начале XX века выстроено несколько кирпичных очень основательных зданий, их понемножечку отдают культуре. И вы бы видели, сколько там было народа, в основном это была молодежь. Это Академия художеств, это маргиналы. То есть есть живые силы, и есть общение, и есть брожение. А тот, кто там — учится или на философском факультете или на физмате, или в экономике. Кстати говоря, откуда берется элита? Два раза читал семестровые курсы. В известном рижском ВУЗе, созданным шведами, была завезена высшая школа экономики. И первые годы основная часть преподавателей приезжали оттуда, вахтенным методом. Поскольку ориентировались на всю Прибалтику, на Литву, Эстонию, Латвию, все должно происходить по-английски. Там стимулы очень большие — человек, получивший диплом этой высшей школы, получает самые выгодные предложения по работе, представительства банковских структур или международных компаний, будь то и властные структуры каждой из этих стран. И оттуда тянется много людей в функционеры. Так вот там, несмотря на сугубо прагматически ориентированных людей, там масса интересного происходит постоянно: и интеллектуальные дискуссии, и самодеятельности, на самом деле то, что называется коллажами и снимают видеокамерами, на компьютере все там преобразуют, разрабатывают. Они приглашают и философов, и художников из Латвии, и из Швеции, из Великобритании. То есть там все время что-нибудь происходит. Попасть с улицы туда практически невозможно, там есть некий отбор.

Виталий Куренной: Я чувствую, здесь надо создать грант на исследование интеллектуальной жизни Латвии, чтобы подробнее познакомиться с этими формами. Я сфокусируюсь на нескольких темах. Первая тема, затронутая: судьба интеллигенции. Это часть более сложной истории о взаимоотношении общества и знания. И меня это интересует. История интеллигенции — это фрагмент истории общества, драматизм истории интеллигенции и интеллектуалов в XX веке и в конце XIX века определяется ритмом массовизации образования. Сегодня мы переживаем драматическую ситуацию, которая не ясна: высшее образование в развитых странах стало всеобщим. В России, я знаю, это произошло. Каковы последствия, еще не ясно. У нас есть второй фактор — этот второй фактор грубо можно назвать — компьютер, что касается способа коммуникации. А каковы последствия этой революционализации в связи с социумом мы не очень понимаем. Мы интересно живем — в революционном преобразовании. Поэтому здесь возникает много проблем, связанных с массовизацией образования. Здесь нет готовых ответов. Мы должны посмотреть, что будет дальше, потому что это серьезно перекроит наши карты. Мне кажется специфическим вопросом, который тоже несколько раз прозвучал, это вопрос, он тесно связан с судьбой образования. Потому что происходит создание закрытых, труднопреодолимых анклавов элитарного образо-

вания. Этот один из элементов цепочки выковывания национальной элиты. Я опять же адресуюсь к Британии, к образованному обществу. Далеко не все общества должны быть элитарными. Здесь есть разные национальные традиции. Мне кажется, это дискутируемый вопрос. Это вопрос совсем другой — как создавать, как поддерживать это образование. Но это означает и прекращение доступа в определенные сегменты этого образования. Я бы четко отличил этот вопрос от вопроса об интеллектуалах и роли знаний.

Креативная экономика, в которой намешано искусство, молодежь и для современного города, для Риги является важной частью — это все-таки другая тема. Почему другая тема? В нашем исследовании мы этот вопрос задаем. Городская инфраструктура, связанная с интеллектуальной жизнью, интеллектуальным существованием... существует некоторый тип городских пространств, где этот мир гнездится — это кафе, это в каком-то смысле театр. Отчасти это университет. Богема где клубится? Большие города обнаруживают сходство с пространствами экономики. Поэтому нужно задать вопрос, а какие они и в каком виде? Когда мы приезжали в другие города, нам об этом говорили. А в Нижнем Новгороде нет ни одного интеллектуального пространства, там нет ни одного кафе, где собираются, ни одного интеллектуального магазина. Там мыслительность организовали так, что там нет пространства никакого для интеллектуальности. Они говорят, что это не город, а ряд деревень. Вы не попадете ни в какое помещение, вы туда просто не пройдете. Даже если там международная конференция, замучаетесь там ругаться на входе, чтоб пропустили, просто не пустят. Это на самом деле надо смотреть и описывать, для чего там есть место, а для чего нет там места. Шумная выставка — это не то место, где можно вести многочасовые дискуссии. Это потребительское отношение. Интеллектуальное взаимодействие требует иного пространства. Там должно быть место для развернутого повествования, для аргументации, для дискуссии. Я тремя этими сюжетами ограничился бы. Интересно исследовать, какие пространства в Риге существуют, это не связано с интеллигенцией в узком смысле, это судьба интеллектуальности. Я произнесу маленькую реплику в защиту интеллигенции. В культуре принципиальный момент — это память, и так сложилось, что в нашей культуре есть такое слово, как интеллигенция, на которое мы продолжаем отзываться. И есть гигантский пласт культуры, который связан с интеллигенцией. И, может быть, некоторые интеллигенты есть и присутствуют в этом зале, и если это даже уходящая натура, то тем не менее культурная память — это важный фактор и об этом нужно помнить. И он сам является фактором социальным, то есть поскольку он признается реальным по своим последствиям. То есть это вещь, которую нельзя вычеркнуть просто так. Так же как и античность живет в современной культуре и в той или иной форме — там ничего не осталось, там все давно умерло, но благодаря культурной памяти есть некоторая точка организации внимания и организации многого. Несмотря на то, что интеллигенцию мы благополучно проводили в прошлое, этот элемент будет сохраняться и будет продолжать существовать.